

The background of the cover is a detailed illustration of a warrior in a fur-trimmed, ornate tunic and a headband, holding a sword. He stands in a grand, classical-style hall with large columns and arches. In the background, other warriors in armor are visible, some on the ground and others standing, suggesting a scene of battle or aftermath. The lighting is dramatic, with light streaming in from the arches.

18+

Нукер Аттилы

Удел труса

A decorative horizontal line with a central skull and symmetrical scrollwork on either side.

Гела Бахтина.

Гела Бахтина

Нукер Аттилы. Удел труса

<https://litres.ru/74370459>

ISBN 9785007103800

Аннотация

Книга «Нукер Аттилы. Удел труса» продолжение истории о нашествии гуннов на Римскую империю. Главный герой романа — телохранитель вождя гуннов — Онегесий, который является его главным советником в решающих битвах, изменивших ход истории. Читатель погружается в мир, где царят законы силы и где каждый день может стать последним. Это захватывающая история о мужестве, верности, дружбе и любви, которая заставит читателя переживать за героев и следить за их судьбой с неослабевающим интересом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нукер Аттилы. Удел труса

Гела Бахтина

© Гела Бахтина, 2026

ISBN 978-5-0071-0380-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Продуманный доклад

Время неумолимо продолжало свой бег, стирая из памяти одни события и безжалостно обнажая другие. Великий хан Аттила, стяжавший себе славу грозного владыки степей, наконец-то сосредоточил в своих руках единоличную власть — и теперь старался не вспоминать о трагических событиях, случившихся у него в шатре летом четыреста сорок пятого года. То было время кровавых разломов, когда тень предательства скользила по коврам, а в шепоте приближённых слышался звон обнажаемых клинков. Эти воспоминания он прятал глубоко, словно острый кинжал под меховой накидкой: они могли ранить не только его, но и саму основу его власти.

Это молчание о прошлом было на руку и ближайшему окружению хана, и прежде всего Онегесию, который с той поры стал не просто соратником Аттилы, а его тенью, его голосом разума, его совестью, облачённой в доспехи. Без совета Онегесия вождь больше не принимал ни одного судьбоносного решения — ни о войне, ни о мире, ни даже о том, кого возвысить, а кого низвергнуть. Так вышло и в этот раз.

В начале декабря 446 года суровая степь укуталась в серое одеяло низких туч, и ветер, пробираясь сквозь войлоч-

ные стены шатров, выстуживал даже самые тёплые уголки. Но внутри алачуча Онегесия царил иной мир — тёплый, живой, наполненный тихим счастьем, которое редко выпадало людям его положения. Полководец, с головой погрузившись в непривычное, но такое драгоценное дело, занимался воспитанием первенца.

Ещё в прошлом году молодая жена подарила ему наследника. Мальчика назвали Улдин — в честь великого вождя гуннов, чьё имя до сих пор заставляло трепетать сердца врагов и внушало гордость союзникам. Онегесий не чаял в нём души. Он проводил с ребёнком всё свободное время: учил держать маленький деревянный меч, рассказывал о звёздах, что ведут кочевника сквозь ночь, и о ветрах, что шепчут правду тем, кто умеет слушать. Каждый миг рядом с сыном казался ему чудом, редким и хрупким, как тонкий лёд на утреннем ручье.

Оливия, наблюдая за этой отцовской нежностью, улыбалась тихо, почти незаметно, но в её глазах светилось безмерное счастье. После рождения сына она словно расцвела заново: в её движениях появилась лёгкость, в голосе — певучесть, а в улыбке — та особая мягкость, перед которой даже самые суровые воины невольно склоняли головы. Многие открыто завидовали советнику вождя, видя, как судьба одарила его не только властью и умом, но и этим тихим семейным светом, столь редким в мире, где жизнь измерялась ударами мечей.

Эфиоп Неклим давно стоял у входа в шатёр, застыв в почтительной неподвижности, словно вырезанная из чёрного дерева статуя. Он боялся потревожить хозяина, зная, что такие минуты покоя для полководца — на вес золота. Холодный ветер теребил край его плаща, но раб не шевелился, лишь изредка опускал глаза, чтобы скрыть нетерпение. Наконец Онегесий случайно посмотрел в ту сторону, будто почувствовав на себе чей-то взгляд, и сразу понял: что-то случилось.

— Кто-то приехал, Неклим? — спросил он, и в этом вопросе прозвучало не столько любопытство, сколько готовность в любой миг сменить уют семейного очага на суровую необходимость долга.

— Да, хозяин! К вам гонец от Великого хана, — низко поклонившись, отозвался невольник, тотчас попятившись спиной к выходу, чтобы не нарушить пространство господина своим присутствием.

Онегесий тяжело вздохнул, и этот вздох был не столько от усталости, сколько от осознания: мгновение покоя закончилось. Мир снова требовал от него решений, крови и стратегии. Он обернулся к жене, и в его взгляде читалась просьба о понимании, молчаливое извинение за то, что долг снова отрывает его от самого дорогого.

— Предвкушаю начало величайших событий, — тихо произнёс он, словно пробуя эти слова на вкус и находя в них горьковатую неизбежность. — Сердце моё, мне нужно оста-

вить вас.

Увидев, что Оливия едва заметно кивнула, он подошёл к ней, бережно коснулся её лица кончиками пальцев, будто запоминая каждую черту, и, крепко поцеловав, повернулся к выходу. По пути он схватил меч — не столько для защиты, сколько как символ своего положения: сегодня он шёл не как отец и муж, а как полководец и советник великого хана.

Выйдя из алачуча, Онегесий сразу ощутил, как степной холод пробирается под одежду, напоминая о суровости мира за пределами уютного шатра. Небо нависло низко, почти касаясь верхушек шатров, и воздух был наполнен предчувствием перемен. У входа в главный шатёр суетились слуги, перешёптывались нукеры, а у коновязи нетерпеливо переступали ногами боевые кони, будто чуяли грядущую бурю.

Своего вождя он застал в шатре, вместе с сыновьями и другими военачальниками. Атмосфера внутри была напряжённой, словно воздух загустел от сдерживаемых эмоций. Аттила находился в очень возбуждённом состоянии: его глаза горели тем особенным огнём, который появлялся только перед большой войной. В шатре собрались те, от кого зависела судьба похода: король гепидов Ардарих, вождь готов Валамер, хан сарматов Олкас, знакомый советнику по войне с акацирами, и бывший нукер Бледы — Эдекон, присягнувший на верность новому хозяину.

Все они говорили одновременно, перебивая друг друга, каждый стремился донести свою мысль, пока Аттила метал-

ся по шатру, словно загнанный в ловушку хищник. Увидев на входе полководца, великий хан лишь махнул ему рукой, приглашая присоединиться к обсуждению, но не прекращая начатого разговора.

— Феодосий отказывается платить оговорённую дань гуннам! — громко выказывал своё недовольство Атиллы, и голос его гремел, подобно раскату грома над степью. — Он не желает передать нам подлых перебежчиков, да ещё и нелюбезно назвал меня братоубийцей! Я не намерен больше вступать в переговоры с заносчивым римлянином. Чаша моего терпения переполнена!

Словно лев, высматривающий добычу, он обошёл всех присутствующих в шатре высокопоставленных людей, сверля каждого взглядом, проверяя на прочность, убеждаясь, что никто не дрогнет перед грядущей бурей. Остановившись напротив близкого соратника, Атиллы взглянул на Онегесия испытывающе, долго, пристально, будто пытаясь прочесть в его глазах ответ ещё до того, как тот его произнесёт. Немного помедлив, чтобы унять бурю внутри себя, великий хан продолжил:

— Предлагаю начать поход на Византию немедленно. Я уже слышал предложения моих полководцев относительно подготовки к нему. Эллак знакомит тебя, Онегесий, с ними позже. А сейчас хочу услышать, что ты думаешь об этом?

Советник не отвёл взгляд от Атиллы. В его глазах не было ни страха, ни подобострастия — только холодный расчёт

и глубокое понимание того, что сейчас решается судьба не одного человека, а целого народа. Он начал, как обычно, издалека, давая словам время обрести вес и значимость:

— У императора есть сейчас силы противостоять нам, — спокойно, но твёрдо произнёс Онегесий, и все в шатре невольно прислушались, зная: если говорит советник хана, значит, каждое слово выверено и проверено умом, отточенным в десятках битв. — Я говорю о личной армии Феодосия, которой руководит Арнегиск. Её снабжение идёт с Балкан через Ратиарию. Если мы позволим им собрать силы и занять выгодные позиции, война затянется, и цена победы станет непомерной.

Он сделал короткую паузу, позволяя каждому представить эту картину: римские легионы, укреплённые на Балканах, готовые обрушиться на гуннские отряды, истощённые долгими переходами и мелкими стычками.

— По моему мнению, нужно в самом начале нашей кампании навязать им решающее сражение, когда войска ещё полны сил и энергии, не растраченной на мелкозначимые стычки. Достигнуть этого можно одним способом: перерезав пути снабжения римской армии в Ратиарии. Лишённые провианта и подкреплений, они станут уязвимы. И тогда мы ударим, когда они будут слабее всего.

Все внимательно слушали полководца. В шатре воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в жаровне да тяжёлым дыханием воинов, осознавших масштаб

замысла. Они прекрасно понимали, что доклад Онегесия был продуман и просчитан им заранее — каждое слово, каждая пауза, каждый довод были выстроены в стройную цепь, ведущую к победе. Возражений не последовало. Даже самые горячие головы склонились перед логикой стратега.

Аттила довольно цокнул языком, и в этом звуке прозвучало удовлетворение человека, который нашёл в своём окружении того, кто способен видеть дальше горизонта. Он обвёл взглядом собравшихся, словно закрепляя принятое решение, и, заканчивая совет, промолвил:

— Зачем гуннам шаманы, когда у нас есть Онегесий! Так тому и быть! Начнём поход по плану моего советника!

Глава 2

Начало охоты

В начале четырёхста сорок седьмого года степной зверь пробудился. Армия гуннов, словно огромная, прожорливая змея, вновь зашевелилась, ожила и медленно поползла вперёд, оставляя позади себя бескрайние равнины Паннонии. Её движение было неторопливым, но неотвратимым — как надвигающаяся гроза, которую сначала видишь лишь тонкой тёмной линией на горизонте, а потом она накрывает всё вокруг. Колонны воинов тянулись по древним дорогам, поднимая тучи пыли, оседавшей на доспехах, гривах коней и выцветших знамёнах. Гунны двигались к торговым путям, связывающим Балканы с Византийской империей, предвкушая охоту на крупную добычу, и степь будто становилась гуще от топота тысяч копыт и лязга оружия.

Холодный ветер гулял по лагерям, трепал войлочные полотнища шатров и заставлял воинов плотнее кутаться в меховые плащи. Но в их глазах не было страха перед стужей — только азарт, сродни тому, что охватывает охотников, когда след зверя становится свежим и ведёт прямо к логову. Для них эта зима была не временем покоя, а преддверием великой жатвы: впереди ждали города, полные золота, вина и шёлка, и люди, привыкшие к роскоши, давно забывшие,

как пахнет дым горящих домов.

Император Феодосий II догадывался о намерении Аттилы, но даже не предполагал, насколько его войско подвижно и организовано. Византийская разведка приносила вести, похожие на обрывки снов: то говорили о скоплении кочевников у границ, то о внезапных набегах на дальние поселения, то о странных огнях в степи, которые вспыхивали и гасли, словно подмигивали из темноты. Но эти сигналы казались разрозненными, не складываясь в единую картину угрозы. И потому весть о том, что гунны захватили Ратиарию, атаковав балканские владения Византии, застала императора врасплох.

Она пришла с рассветом, когда Феодосий ещё сидел за утренней трапезой, слушая доклады чиновников о налогах и урожаях, о ценах на хлеб и о недовольстве горожан. Один из курьеров, покрытый дорожной пылью и едва державшийся на ногах от усталости, рухнул на колени перед троном и хрипло выдохнул единственное слово: «Ратиария». Император замер, ложка застыла в его руке, а в груди будто что-то оборвалось. Он знал значение этого города: ключ к Балканам, узел дорог, крепость, прикрывавшая подступы к сердцу империи. И теперь она была в руках врага.

Как и предполагал Онегесий, Феодосий немедленно приказал своим полководцам, прославившимся во многих боях с персами, — Арнегисклу, Аспару и Ареобинду — выступить в поход и встретиться с Аттилой на реке Утус (река Вид

в современной Болгарии). В этом решении не было ни колебаний, ни сомнений — лишь горькая необходимость. Император, не имея других вариантов, счёл необходимым провести генеральное сражение, что было типично для обычной стратегии тех времён: встретить врага лицом к лицу, разбить его в открытом бою и вернуть утраченное одним мощным ударом.

Под командованием этих трёх военачальников находились огромные по величине объединённые силы: личная армия императора, Фракийская и Иллирийская полевые армии, насчитывавшие на бумаге около семидесяти тысяч человек, а также, вероятно, все местные силы, с которыми они могли встретиться по пути. Легионы собирались в спешке, словно разбуженные посреди ночи: солдаты затягивали ремни, проверяли мечи, пересчитывали стрелы, а командиры сверяли карты, пытаясь угадать, куда ударит враг. По дорогам тянулись обозы с провизией, повозки с осадными машинами и колонны пехоты, шагавшей в такт глухому ритму барабанов.

Противостояла им армия, не уступавшая их числом. Количество воинов, находившихся в распоряжении Великого хана, доподлинно неизвестно, но многие историки говорят о сотысячной войске, встретившем римлян в Болгарии. Среди них были стремительная конница гуннов, чьи всадники сливались с лошадьми в единое целое, и всадники сарматов, чьи копья пронзали броню, словно бумагу. Рядом с ними

шли пешие воины короля гепидов и вождя готов Валамера, тяжёлые, как скалы, и такие же неподвижные в строю. К ним примыкали булгары, герулы и прочие союзники Аттилы — пёстрое, разноязыкое войско, объединённое одной волей и одной жаждой победы.

Аттила стоял на холме, наблюдая за тем, как его армия растекается по долине, словно живая река, готовая затопить всё на своём пути. Ветер трепал его волосы, а в глазах горел тот самый огонь, который заставлял врагов дрожать, а соратников — следовать за ним до конца. Он знал, что римляне придут. Знал, что они попытаются остановить его здесь, на берегу Утуса, где вода была холодной и быстрой, а берега крутыми. И он был готов.

Онегесий подъехал к нему, остановив коня в нескольких шагах, и молча протянул свиток с последними донесениями разведчиков. Аттила взял его, пробежал глазами по строкам, а затем поднял взгляд на горизонт, туда, где небо сливалось с землёй, и тихо произнёс:

— Они думают, что могут нас остановить. Но мы — ветер, который не удержать стенами.

Онегесий едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке не было ни веселья, ни радости — только холодная уверенность человека, который просчитал все ходы наперёд.

— Тогда пусть ветер станет бурей, — ответил он.

Глава 3

Сражение

Ещё до начала сражения Онегесий понял, что армия Великого хана находится в более выгодном положении, чем враг. Он стоял на пологом холме, щурясь от низкого зимнего солнца, и смотрел на раскинувшуюся внизу долину, где река Утус извивалась, словно серебряная змея среди серых полей. В его взгляде не было торжества — лишь холодный расчёт, привычка видеть слабости там, где другие замечали только силу.

Римляне, переправившись через реку, разбили свой лагерь тут же, на равнине, не рассчитывая на быстрое появление противника. Они действовали по привычному шаблону: занять удобную позицию, выстроить укрепления, дать войскам отдых после тяжёлого перехода. Командиры полагались на дисциплину и выучку легионов, на тяжесть доспехов и строй фаланг, способных сдержать любой натиск. Но именно эта уверенность и стала их главной ошибкой.

Когда утром первые всадники гуннов появились на возвышенности, менять своё расположение было уже поздно. Прижатые к быстрой и полноводной преграде, римские легионы выстроились в боевые порядки, ожидая наступления неприятеля. Вода за их спинами шумела, пенилась на камнях и

будто шептала о ловушке, в которую они сами себя загнали.

Военачальник Аспар командовал левым флангом армии Феодосия II, его лёгкая конница стояла в готовности рвануться вперёд по первому сигналу. На правом фланге расположился Ареобинд, держа в узде тяжёлую кавалерию, чьи всадники в блестящих доспехах казались живыми статуями. В центре, как полагается, выстроил свои отряды Арнегискл. Он красовался перед ними на своём гнедом жеребце, высоко подняв голову, подбадривая воинов победными возгласами. Его голос, громкий и уверенный, разносился над строем, и легионеры громогласно отвечали своему полководцу, выкрикивая имена богов и клятвы верности. В эти мгновения они верили, что стены их строя непробиваемы, а воля командиров — непогрешима.

Но вскоре началась первая атака гуннов. С холмов показались вниз волны воинов, и воздух наполнился криками, лязгом оружия и топотом копыт. Перекрикивая легионеров, гремя мечами о щиты, гепиды грозной лавиной обрушились на противника. Их натиск был подобен удару грома: внезапный, оглушающий, лишаящий воли к сопротивлению. Завязалась страшная бойня, где уже не было места стройным рядам и чёткой тактике — только ярость, боль и инстинкт выживания.

Со стороны могло показаться, что римляне одерживают верх: их щиты смыкались в непроницаемую стену, копья сверкали в лучах солнца, а дисциплина удерживала строй

там, где у других уже началось бы бегство. Но это было обманчивое впечатление. Аттила, наблюдавший за битвой с высоты, лишь усмехался, зная, что настоящий удар ещё впереди.

В помощь королю Ардариху он отправил готов Валамера — тяжёлую пехоту, способную продавить даже самую крепкую оборону. А с правого фланга на римские фаланги набросилась конница сарматов, за которой шли пешие порядки булгар и герулов, вооружённых длинными пиками. Они наступали, как единый механизм: всадники крушили фланги, а пехота, действуя как живая стена, прижимала врага к центру сражения, лишая его манёвра.

Предсмертные стоны раненых, ругань командиров, скрежет металла о металл и хруст ломающихся копий сливались в единый, жуткий гул, который был слышен за десятки миль от места битвы. Земля, пропитанная кровью, становилась скользкой, а река, казалось, сама изменила свой цвет, потемнев от человеческой боли. Крови было столько, что вода будто закипала от ярости, и река, переполненная ею, вышла из берегов, заливая низины и унося с собой тела павших.

Понимая, что римлян могут столкнуть в реку, на подмогу Арнегисклу Ареобинд выслал часть своей конницы, пытаясь укрепить центр и не дать строю рассыпаться. Но, ослабив правый фланг армии, он совершил роковую ошибку. И эту слабость тут же заметил Онегесий. Он не кричал, не размахивал руками — лишь коротко кивнул одному из гонцов, и

тот помчался к командирам с приказом.

Наступила очередь гуннов. Словно чёрная буря, они понеслись вперёд с диким, звериным воем, который пробирал до костей даже самых стойких воинов. Их стрелы летели тучами, закрывая солнце, а клинки сверкали, как молнии. Этот натиск невозможно было сдержать.

Битва продолжалась до вечера. Солнце, клонившееся к закату, окрашивало поле боя в багровые тона, превращая его в картину из кошмара. Объединённые римские войска не выдержали этого натиска. Строй рассыпался, дисциплина рухнула, и вместо единой армии остались лишь отдельные группы, отчаянно защищавшие свои жизни.

Лошадь Арнегискла была убита, и он, оказавшись пешим, продолжал сражаться, отбиваясь от нападавших с яростью загнанного в угол зверя. Последний свой бой он принял с наследником Атилы, Эллаком. Молодой воин, ловкий и стремительный, кружил вокруг опытного полководца, словно хищник, выжидающий момент для решающего удара. Против такого противника у Арнегискла не было шансов, и вскоре он пал, сраженный точным ударом.

Увидев гибель своего командира, римляне дрогнули. Строй окончательно рассыпался, и многие бросились к реке, надеясь найти в ней спасение. Но переплыть её посчастливилось не всем: течение было быстрым, вода — ледяной, а стрелы гуннов настигали беглецов даже в воде. Гунны охотились на римских легионеров, когда-то покоривших половину

мира, словно на диких уток, и в этом было что-то особенно горькое — падение гордых орлов под ударами степных стрел.

Так бесславно для них закончилось сражение на реке Утус.

Эта битва положила начало печально известному наследию Аттилы. Объединённые римские войска были уничтожены, а долина у реки надолго запомнила стоны умирающих и запах гари от костров, на которых сжигали тела. Поражение было настолько катастрофическим, что в четыреста семьдесят восьмом году, после тридцати лет восстановления, Фраккийская армия всё ещё насчитывала менее половины своей прежней численности. И каждый новый командир, принимая командование, знал: тень той битвы будет висеть над легионами ещё долгие годы.

Глава 4

Несломленный раб

После крупной победы на реке Утус гунны беспрепятственно прошли далее на восток — по равнине между Дунаем и Балканским хребтом, сквозь поля, ещё недавно зеленевшие под летним солнцем, а теперь поблёкшие и припорошённые первым холодным снегом. Их путь лежал к Маркианополю — городу, который издавна славился своими крепостными стенами, богатыми складами и шумными рынками, где встречались купцы из самых дальних земель.

Маркианополь сдался почти без боя. Местные жители, охваченные страхом перед гневом Великого хана, сами открыли ворота завоевателям. В тот миг им казалось, что покорность сохранит им жизни и имущество. Но эта надежда рассыпалась, едва первые всадники варваров оказались внутри величественных стен крепости.

С этого мгновения город перестал быть домом для своих обитателей и превратился в добычу. В нём тут же начался грабёж и насилие. Крики женщин и плач детей сливались с ржанием коней и лязгом оружия, а воздух быстро пропитался запахом гари, железа и ужаса. Горожан беспрепятственно пленили, сгоняя, словно баранов, в огромные стада на главной площади. Оттуда их передавали работоторговцам, кото-

рые, осмелев, ждали добычи прямо у ворот Маркианополя, заранее потирая руки в предвкушении барыша.

В этом страшном дележе участвовали все: от простого воина, набивавшего мешки награбленным добром, до знаменитых полководцев, присматривавших себе самых крепких и выносливых невольников. Не остался в стороне и Онегесий, который, согласно своему статусу, одним из первых въехал на рыжей кобыле в захваченный город. Его конь ступал по брусчатке осторожно, будто чувствуя, как сама земля стонет под тяжестью происходящего.

Проехав до центра города, Онегесий остановился у группы связанных пленников. Их было около двух десятков: мужчины с опущенными головами, женщины, прижимавшие к себе детей, и несколько стариков, чьи лица выражали не столько страх, сколько горькое осознание того, что привычный мир рухнул. Среди них оказался и военачальник, командовавший гарнизоном крепости, — седой центурион с гордой осанкой, не утратившей своего достоинства даже в окопах. О его звании советнику тотчас доложили.

Онегесий с минуту разглядывал римлянина, сидя в седле и слегка наклонив голову, словно пытался разглядеть за внешней усталостью и ранами ту силу духа, которая когда-то позволяла этому человеку вести за собой других. Наконец он нарушил молчание:

— Что же вы, сдались нам без боя?

Центурион поднял голову. В его взгляде не было ни моль-

бы, ни ненависти — только горькая ирония, смешанная с презрением к собственной беспомощности. Он ответил с сарказмом, но голос его звучал твёрдо, без дрожи:

— Глупцов исправит только рабство. В то время как легионеры взобрались на стены и приготовились к защите Маркианополя, купцы, полагая, что их отблагодарят за измену, сподвигли жителей отворить вам ворота.

— И где же эти герои? — холодно поинтересовался Онегесий, обводя взглядом площадь, где среди разбросанных вещей и опрокинутых телег виднелись безжизненные тела.

— А вот они! — центурион коротко кивнул головой в сторону мёртвых тел торговцев, разбросанных по площади, словно сломанные куклы. Его голос вдруг зазвучал жёстче, будто каждое слово давалось ему с усилием, но он не собирался прятать правду. — Судьба города им была безразлична, потому они и отдали его на поругание врагу. Но когда ваши воины стали грабить их лавки и выпотрошили их толстые карманы, они возмутились, за что и заплатились своими жизнями.

Римлянин вдруг громко засмеялся. Это был странный, почти безумный смех, который эхом разносился по пустеющим улицам Маркианополя. В нём не было веселья — лишь отчаяние, прорвавшееся наружу, и какая-то дикая свобода от всех прежних обязательств. И в этом смехе было что-то жуткое, нечеловеческое, от чего даже привычные ко всему гуннские воины на мгновение замирали, прислушиваясь к

этому звуку, как к предвестнику беды.

Онегесий спокойно смотрел на эту драму, не выказывая ни гнева, ни жалости. В его душе боролись два чувства: уважение к противнику, который не сломался, и понимание того, как хрупок мир, где предательство становится самым коротким путём к спасению.

Центурион, постепенно успокаиваясь, с сожалением в голосе произнёс:

— Вы думаете, что я тоже глупец, если смеюсь над уготованной мне судьбой невольника? Так нет. Мне жалко и больно смотреть на мой народ, который решил найти своё спасение в рабстве, а не в борьбе с врагом.

Он гордо взглянул на гунна, будто бросая ему вызов даже в своём поражении, а затем отвернул взгляд и больше не проронил ни слова. В этой тишине прозвучало больше, чем в любых клятвах: он остался верен себе, даже когда всё вокруг рушилось.

Онегесий некоторое время молчал, обдумывая услышанное. Потом подозвал к себе Отессия и, не сводя глаз с центуриона, тихо, но отчётливо приказал:

— Достойный противник. Лучше встретить этого римлянина лицом к лицу на поле боя, чем получить нож в спину от раба, несломленного духом. Выведи его за стены крепости и отпусти. Я дарую ему свободу.

Отессий на мгновение замер, будто не веря своим ушам, но тут же склонил голову и поспешил исполнить приказ.

Центуриона развязали, и он, не оглядываясь, пошёл прочь, высоко подняв голову. Лишь на миг он замедлил шаг, словно хотел что-то сказать, но передумал и двинулся дальше, растворяясь в сумерках опустевших улиц.

Тем временем гунны, по своему обыкновению, не оставляли после себя ничего, кроме пепла и руин. Они разрушили Маркианополь до основания: срывали крыши домов, разбивали колонны, поджигали склады и храмы, стирая с лица земли всё, что могло напоминать о былом величии города. Пламя пожирало дерево и ткань, трещало, как торжествующий смех победителя, и поднималось к серому небу, окрашивая его в зловещие оттенки красного и чёрного.

Долгое время Маркианополь лежал в запустении. Ветер гулял по развалинам, разнося пыль и обрывки старых знамён, а дожди смывали следы крови и слёз. Лишь сто лет спустя император Юстиниан, стремясь вернуть былую славу империи, приказал восстановить город. Но даже тогда от прежнего Маркианополя остались лишь воспоминания да камни, помнившие крики тех, кто когда-то называл это место домом.

Убедившись, что от величественного города остались одни руины, завоеватели покинули его, повернув на юг — к не менее старинным и богатым городам, ждавшим своей участи. На пути гуннов теперь были Филиппополь и Аркадиополь. Их башни ещё гордо тянулись к небу, а стены казались неприступными, но степной вихрь уже нёсся к ним, и никто

не знал, сумеют ли эти города устоять перед натиском армии Атиллы.

Глава 5

Побег

Аттила торопил своих полководцев с взятием римских городов, прокладывая путь к главной своей цели — Константинополю. В его сознании этот город был не просто столицей, а сердцем империи, пульсирующим золотом, мрамором и высокомерием, которое следовало сокрушить. Великий хан боялся не столько сопротивления врага, сколько иной, куда более коварной угрозы: он опасался, что воодушевлённая победами армия, словно огнедышащая лавина, в один прекрасный момент вдруг остановится и застынет, будто огромное изваяние, навечно вросшее в землю. В этом бездействии таилась гибель всего замысла: стоило воинам почувствовать сытость от добычи, как огонь войны начинал гаснуть.

И в этом есть своё небесное предписание, которое Аттила не раз повторял своим приближённым: «Не всегда получается так, как хотят того люди, а происходит то, что задумано свыше». Он верил, что судьба ведёт его, но и сам не должен был давать ей повода свернуть с намеченного пути.

Филиппополь, наученный горьким опытом Маркианополя, не открыл свои ворота гуннам. Город стоял твёрдо, словно скала, о которую разбиваются волны. Его стены, сложенные из массивных каменных блоков, казались неприступны-

ми, а башни гордо тянулись к серому небу, будто бросая вызов степным всадникам. Защитники, помня о судьбе соседей, укрепили каждый пролом, нагромодили баррикады у ворот и расставили дозорных на всех подступах. Они оставили захватчиков у своих стен и тем самым замедлили наступление армии Великого хана.

Аттиле, вопреки его желанию, нужно было время, чтобы взять хорошо укреплённую крепость. А для этого требовалось взять город в осаду, подготовить стенобитные машины, найти слабые места в обороне противника и истощить его силы голодом и страхом. Каждый день простоя разъедал терпение хана, как ржавчина — железо. Но даже он, привыкший к молниеносным ударам, понимал: здесь нужна была иная тактика — медленная, тяжёлая, неотвратимая, как движение ледника.

Осада продолжалась бы и дольше, если бы вновь в ход истории не вмешался случай — тот самый предательский поворот судьбы, который способен обрушить даже самые крепкие стены.

Центурион легионеров Вистиниус, осматривая с крепостных стен приготовления неприятеля к штурму крепости, понял всю безнадёжность обороны Филиппополя. Перед его глазами разворачивалась картина методичного уничтожения: гунны возводили насыпи, собирали тараны, натягивали луки, и в каждом их движении чувствовалась уверенность людей, привыкших брать города. Вистиниус знал: даже если

стены выдержат первый штурм, голод и болезни вскоре сделают своё дело. И тогда падение станет лишь вопросом времени.

Он не хотел умирать. Но ещё больше не хотел видеть, как погибнут те, кто был ему дороже жизни. Спустившись вниз, он отдал приказание своим близким покинуть осаждённый город. Ввиду своей высокой должности он знал о подземных ходах, ведущих из Филиппополя далеко за его пределы, — о них знали лишь немногие, и эта тайна хранилась веками, передаваясь от одного командира гарнизона к другому. Таким образом он хотел вывести своих родных за пределы крепости, туда, где ещё можно было надеяться на спасение.

Но начальник его охраны, крепкий и угрюмый ветеран, вместе с красавицей женой Вистиниуса убедили римлянина покинуть обречённую на гибель крепость вместе с ними. Они говорили о том, что без него семья не выживет, что его опыт и авторитет — их единственная надежда. И центурион дрогнул. Как только гунны начали штурм, Вистиниус в окружении охраны, ближайших друзей и родственников решился на побег.

Оставив защитников города на милость создателя, он скрытно покинул стены Филиппополя. Слыша над собой отчаянные крики о помощи простых горожан, беглецы осторожно пробирались сырыми, вонючими закоулками подземелья к выходу из крепости. Тускло светили на покрытых мхом стенах факелы, их пламя дрожало от сквозняков и от

напряжения, висевшего в воздухе. Люди, дыша в затылок друг другу, молча пробирались вперёд, туда, где, как им казалось, их ожидает свет и жизнь.

Центурион, поглядывая на шагавшую рядом с ним жену, окружённую тремя малолетними детьми, мрачно думал о будущем. Гибнущий позади него город не внушал ему жалости — он утешал себя другим. «Главное — семья и жизнь, — повторял он про себя, словно заклинание, способное отогнать чувство вины. — Рано или поздно всё образуется! Это не конец!» Но в глубине души он понимал, что конец уже наступил — для него, для города, для всего того мира, который он когда-то считал незыблемым.

А в это время Онегесий наблюдал с высокого холма за ходом сражения. Он прекрасно видел, как передовые отряды гуннов перевалили за стены крепости, а вскоре открыли и ворота, впуская внутрь основные силы. Теперь ему, как это бывало и раньше, оставалось найти главного защитника города — центуриона — и передать его в руки Великого хана, который решит его участь. То, что это будет непросто, он прекрасно понимал: Вистиниус мог быть где угодно. Под трупами тысяч своих сограждан, под тяжёлыми камнями разрушенных стен, его тело могло быть растерзано дикими собаками. Разве мог ожидать полководец, что тот, о ком он нервно думает, в это самое время крадётся под его ногами, желая поскорее выбраться на свободу из вонючего мрака подземелья?

Всё произошло быстро. Лишь только Онегесий отдал команду отряду охраны выдвигаться к городу, внизу послышался глухой скрип открывающейся двери. Это беглецы достигли края тоннеля и, навалившись на старые железные засовы, стали отпирать узкие двери замурованного в землю выхода. Всадник прислушался к звуку и, нахмурившись, махнул рукой, останавливая своих подопечных. Те, поняв его без слов, окружили подножие холма, готовые к любой неожиданности.

Вскоре зашевелилась земля, вздыбилась, открывая тайный вход в подземелье. Откуда появились несколько воинов из авангарда Вистиниуса. Увидев перед собой врага, они были несказанно удивлены этой неожиданной встречей, словно наткнулись на призраков. Словно град, с неба посыпались на них отовсюду стрелы, и, не успев предупредить шедших позади, авангард центуриона был бесславно разбит.

А когда следом появился из подземелья и сам Вистиниус в окружении своих приближённых, его уже ждал на выходе сам советник.

— Центурион, не балуй! — крикнул Онегесий громко, перекрывая шум битвы и лязг оружия. — Пожалей свою семью!

Римлянин, отступив вновь в подземелье, прекрасно слышал его слова. Посмотрев на испуганно прижавшихся к матери своих детей, он понял, что обречён. Ни бегство, ни хитрость, ни мольбы не спасут их. И дабы облегчить их участь,

он подошёл к своей супруге и, прижавшись мокрыми от пота губами к её устам, тихо прошептал:

— Прости, милая!

Затем он вонзил ей в сердце по самую рукоять короткий фамильный кинжал — оружие, передававшееся в его роду из поколения в поколение. Женщина, поняв его мысль, одобрительно улыбнулась, прошептав в ответ:

— Прощай!

И, качнувшись, завалилась на бок у ног владыки. Приближённые Вистиниуса с ужасом наблюдали, как их командир, убив жену, затем расправился и с тремя малолетними детьми. В их глазах застыл немой вопрос, на который не было ответа. После этого центурион недобро взглянул на воинов, и со страшным скрежетом в зубах, словно лев, прорычал им:

— Вперёд, легионеры! Умрём как герои, в бою!

В короткой, яростной схватке центуриона убили последним. Он дрался с отчаянием человека, которому нечего терять, и его клинок нашёл смерть лишь тогда, когда силы окончательно покинули тело. Перед своей кончиной он с горечью взглянул на охваченный заревом огня Филиппополь, так трусливо им покинутый, и окровавленными губами выжал из себя:

— Всё зря!

Онегесий, не расслышав последних слов римлянина, не слезая с лошади, медленно подъехал к его трупу. Он смот-

рел на мёртвого центуриона долго, будто пытаюсь прочесть в застывших чертах лица ответ на вопрос, который мучил его самого: где проходит грань между осторожностью и трусостью, между спасением близких и предательством долга? Наконец, посмотрев на тело презрительно, он вымолвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.